

Курехин Сергей

20.10.94.

САДО-МАЗОХИРУЮЩИЙ КУРЕХИН

Любовь к Родине с примесью членовредительства

Александр Кулиш

Россия

БОЛЬШОЕ достоинство акций Сергея Курехина — их ненавязчивость. Он, кажется, делает все возможное, чтобы только не выглядеть серьезным. О глобальном Курехин говорит так, как будто он тут ни при чем, а всем только показалось. Смысл постоянно маскируется за несурзидцей, абсурдом, внешним идиотизмом действия, а может быть, — рождается из них. Но это не означает, что его нет.

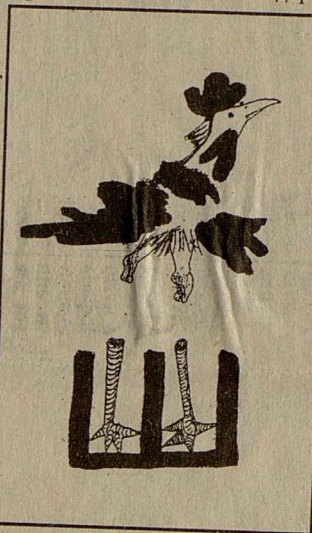
Новое творение Курехина — садо-мазохистская драма «Гляжу в озера синие...» — посвящено идее любви к Родине. Надо ли объяснять, что главная концертная площадка Санкт-Петербурга — зал «Октябрьский» — собрала всю богему, которой не терпелось узнать, как именно Курехин любит Родину.

Стилистически садо-мазохистская исповедь великого мистификатора напоминала что-то среднее между «Необыкновенным концертом» Сергея Образцова и «Индустриальной симфонией №1» Дэвида Линча. За 75 минут действия можно было увидеть и услышать всего столько, что легче описать, чего там не было, чем то, что было.

Появление любимчика публики Курехина на сцене вызвало истерически-страстные вопли у особо экзальтированных дамочек и не менее бурный восторг у молодых людей. Степень подобного ни с чем не сравнимого экстаза говорит о том, что Нарцисс во фраке, как всегда со смущенной двусмысленной улыбкой, на первый взгляд, вешал зрителям лапшу на уши; если же серьезно (чего сам маэстро никогда бы не допустил, а мне — приходится) — говорил языком культурных кодов, ярких, понятных, расшифровывать которые — особое удовольствие для зрителя-гурмана. Может быть, именно это имел в виду Курехин, когда сказал, что пытался сделать зрелище как можно более мягким, буржуазным, «легко стелящимся»? В любом случае, на этот раз публика чувствовала себя вполне комфортно, так, что не осталось вещей за гранью понимания для тех, естественно, кто хотел что-то понять. С чего начинается Родина, все узнали (или подумали, что узнали) еще в детстве. Именно тогда стал складываться миф о самом прекрасном месте на земле — одной шестой части света. В драму Курехина из детства пришло многое — от какой-то дурашливой детской манеры вести себя на сцене, прыгать, бегать, валиться на пол, всех разыгрывать, до конкретных

предметов, захваченных Сергеем явно из детского сада. У него даже есть сольный номер, исполняемый на детских музыкальных инструментах: на дудочках, трещотке, металлофоне. А что воплощают собой его серебристый комбинезон и резиновый шлем, в которые он переодевается после получения действия, как не детскую мечту о полетах в космос, как не желание быть похожим на Юрия Гагарина?

В спектакле обыграно несколько разных, но прочно связанных друг с другом мифов о Родине. Это Родина как топос, с могучей и прекрасной северной природой, мощными зелеными деревьями, с глубокими озерами и плодород-

Фантазия Павла Шевелева.

ными землями. Именно поэтому задник сцены воспроизводил одну из таких псевдореалистических картин, о которых школьники писали сочинения на тему «Родная природа».

Это Родина-рай, которая описывалась совсем уж в ирреальных метафорах, в сравнениях превосходной степени, так, что ее заоблачные дали превращались в небеса обетованные, а вечнозеленые ели преобразовывались в райские кущи. Все это было представлено Курехиным с огромным энтузиазмом: с колосников свешивались «райские» икебаны, туда же, на «небо», вела длинная лестница, а по сцене бегали странные эдемские существа, поросшие с ног до головы цветами, и разбрасывали лепестки роз.

Мечта о Родине-рае представлена Курехиным как что-то очень сладкое, конфетное, приятное для души и тела, совершенно не в духе христианской традиции, от которой у Курехина осталась лишь огромный буффорский крест на

шее, а скорее — гедонистически-античное с множеством полуголых и голых тел (юноши с лирами, девушки с арфами), цветов и приятных мелодий. Одна из метафор эдемской музыки в этой драме — заросший цветами рояль, который по своей роскоши напоминал кремовый торт.

Какая же может быть Родина без песен о ней, любимых всеми и спетых от души? В садо-мазохистской драме явно слышится ностальгия по цельности этих песен, монолитности их исполнения, по певцам-гигантам недалекого прошлого, когда и сам миф о Родине был монолитом, не разбившимся на мелкие кусочки. Поэтому в начале драмы звучит соло на аккордеоне, в ненавязчивых курехинских блозах можно услышать обрывки бернесовских шлягеров («Темная ночь»), а в финале на сцену выходит петь сам Эдуард Хиль.

Любовь Курехина к Родине — чувство светлое и радостное. Однако в это бесконечное пиршество духа вторгается тема садо-мазохизма. Первый диссонанс, прозвучавший в соло на фортепьяно, усилил выступление Дмитрия Пригова, представлявшее собой нечто вроде молебна по убиенным в русской истории. В числе оных оказались царевич Дмитрий, Борис Годунов, Петр I, Николай II, Ленин, Бухарин, Сталин, Горбачев, Ельцин... Когда поминать было уже некого, Пригов вспомнил об убиенном «сыне твоём, господи» и с криками «Фашисты! Сволочи! Убийцы!» удалился со сцены.

Ну конечно же, все перечисленные люди — лишь знаки в мифологическом коде Отечества, которые рассматриваются как сплошная садо-мазохистская цепочка. Здесь не важно, кто кого убил, а все они вместе перемолоты историческим мифом о Родине, суровой, но справедливой, где правду не отличить от домыслов.

Особо удачным и оживляющим показался мутант курехинского сознания, связанный с понятием «фашизм». Само это явление замечено садизмом и садо-мазохизмом, что усиленно культивировалось мировым экраном, начиная с «Ночного портье» и «Сало, или 120 дней Содома» и заканчивая тем же «Списком Шиндлера». При криках Пригова «Фашисты!» на сцене появились не актеры, одетые в фашистские мундиры, а целая процессия садистов и мазохистов, наряженная в садо-мазохистскую кожаную униформу почти порнушного уровня. (В этот момент из зала стали доноситься истошные крики «Долой порнографию с советской сцены!».) Насколько жирных полутолых мазохистов в ошейниках ползли из ле-

вой кулисы в правую, подгоняемые отрядом садистов с кнутами. Все это шествие окружали древнеегипетские фараоны с нагими рабами и слугами, обмахивавшими всех пальмовыми ветвями (очевидно, мечта садо-мазохиста о рабстве в крайнем его проявлении). Весь этот садо-мазохистский рай венчала парочка мифических персонажей в золотых трусах, серебряных масках и со жреческими посохами-змеями, которые с глупейшими улыбками прохаживались по сцене. Выход процессии сопровождала надрывная еврейская мелодия (какой же фашизм, если нет евреев? Кстати, в спектакле приняли участие артисты Еврейского театра трагедии, возглавляемого Курехиным). Так что в целом эта каша из всевозможных клише вызвала в зале настоящую радостную истерику и оставила впечатление крайнего идиотизма. В довершение ко всему этому неподдельному ужасу из-под сцены появилась «адская» машина пыток, к которой ремнями были привязаны мазохисты, мрачно вращавшие педали, приводившие в движение сложный механизм колес и шестеренок. Венчала это абсурдное сооружение труба, из которой шел дым.

В то время как из левой ямы показалась машина смерти, из правой, в качестве противовеса, возник цветочный рояль. Так, между этим «адам» и «раем», Курехин читал стихи о своей любви к Родине.

Вероятно, зрители увидели бы еще более пламенные проявления чувств знаменитого провокатора к горячо любимому Отечеству. По его же собственному замыслу, эти чувства не могут быть безоблачными. Поэтому концерт прошел со множеством заранее спланированных, а оттого еще более милых накладок. Время от времени фoniaщие микрофоны, неподключенный кабель к электрогитаре знаменитого Александра Ляпина, так и не сыгравшего свое соло, случайный набор костюмов у арфисток — от концертного платья и кринолина до костюма Евы...

В общем, гамма чувств действительно была пестрой, но неподдельной. Кульминацией всего зрелища стало появление на сцене под песню Хиль ста кроликов как представителей родной природы. А потом вышел Курехин и сказал, что концерт окончен. В память об этом растворившемся видении каждый мог унести горсточку «райских» розовых лепестков, которые горками были рассыпаны у сцены.